

Tul_06_14

12.07.2006. Тульчин.

Инф.: Могилевская Галина Иосифовна, ок. 1925 г.р. (ГМ)

Соб.: Н.Евсеенко (НЕ), А.Кушкова (АК)

[о том, что кого-то (Могилевскую?) «наврочили» – что такое, не объяснила]

[показывает цифровую фотографию, на которой сняты «все шрамы, все морщины», и ГМ выглядит молодой; возраста своего опять не сказала: «женщине столько лет, на сколько она выглядит»]

ГМ: Меня очень дрессировали – так мне повезло в жизни. Значить, когда я была маленькой до войны, у нас... ну, мама работала на заводе, занималась (неразб., тихо), но у меня... у нее была портниха, полька, из шляхты – знаете, что такое шляхта? Знаете? Ну, она осталась, она не успела во время советской власти, когда начиналась советская власть уехать к своим родственникам, и она меня очень любила. Она меня учила, как подбирать себе фасоны, как... как одеваться – девочки, такой курс, прямо вы не представляете. И она меня учила вести себя. Когда я уже подросла и началась война, мы жили в Душанбе. И, значит, я кончила школу, и работ... меня послали на работу, вот, и мама за меня поступила в мединститут.

АК: А, это Вы рассказывали, как Вы не знали даже... да...

ГМ: Да. Они молчали, потому что я оттого, что я видела кровь, я падала в обморок. Представляете себе этого медика? Да. И, значит, меня приняли в мединститут, потому что у меня была... тогда если была отличная... и была грамота, то это была честная грамота. Не так, как сейчас – да, знания неизвестно где, а... аттестат отличный. Вот. Ну, и, значит, я ушла в мединститут, для того, чтобы я не бросила его, меня... и надо же кушать тоже было, меня устроили в госпиталь. А нас, старшеклассников, готовили на фронт. Старшеклассниц. Готовили, значит, на медсестры, там... Ну и... это самое... я... я уже имела какое-то медицинское образование, ну, сначала я была немножко в перевязочной, а потом операционной сестрой – но я занималась в институте, и попутно. Это всё попутное. Вот. И меня учили так: ты – будущий врач. Больной не должен знать что.. как ты себя чувствуешь. И вот подхо... заходишь в палату, видишь, что он уже... [т.е. при смерти], ты должна улыбаться это самое... – так что школу я прошла – классику (?) (...)

[ГМ недавно сломала ногу, лежала. Ходили ли к ней?]

НЕ: ...из общины?

ГМ: Из общины.

АК: Из общины?

ГМ: Да. Никого нет.

АК: А разве члены общины не ходили к Вам, вот, пока Вы болели?

(ГМ молчит).

(чаепитие)

[На столе лежит игрушечный краб, подаренный ГМ на съезде еврейских женщин в Чернигове].

АК: (читает) «Съезд «Еврейские женщины за мир»» (...)

ГМ: Вот... вот у нас было в Чернигове (...) Вот, незнакомый очень приятный мужской голос, совсем не старческий, вот... они говорят, что у меня тоже нестарческий голос, но... вот.. Да, и он, значит, представился, кто он и что он – оказывается, он профессор или академик, он был одессит, сейчас он живет в Германии, ему 86 лет, но по голосу он выглядит моложе, и он, значит, мне сказал, что он, значит, в се.. в одном из наших сел проведаль женщину, которая во время войны спасла его сест... тётю. Вот, ну, и сейчас они там.. дал данные, сейчас он мне будет звонить, приедет. Значит, напишет мне и поз..., и он взял мой телефон и адрес, потому что дети этой... дочки этой женщины живут в Москве. Вот, так что я буду сейчас иметь интересную переписку.

АК: А Вы будете находить, вот, праведниц?

ГМ: А я нахо... я ее знаю, я ее найду, я на бо.. у меня все данные, у меня есть много праведников наших. Вот. И я была в Киеве, приезжал из «Зала Имен», там новый человек, где-то у меня его карточка есть. Вот... он... так приезжали все главы общин областных, ну я тоже – неизвестно какой начальник (усмехается). Вот.

АК: А нам тут недавно рассказывали...

НЕ: Нам, вот, сказали, что у вас тут нашли праведников вот совсем недавно буквально...

АК: Трех человек!

ГМ: Ой, эта дура! Ой, извините.

НЕ: Да нет, пожалуйста. А Вы не могли бы рассказать просто поподробнее?

ГМ: У на... Она, понимаете, что? У нее мания величия. Она.. всё дело.. испортила. Почему она испортила? Ну, там я писала, я.. она писала... я писала... чай и кофе нельзя оставлять долго открытыми – они выдыхаются... так что лучше повторить, чем открытые держать. Она, значить... я, там, одной помогла писать, а двум – она помогла писать.

АК: Писать что?

ГМ: Ну, писать о том, что произошло... об этих самых. Они писали в Киев, в Совет... в киевский... в Киев, в Совет... праведников Украины. И она всё время... никак они не получали. Когда я получала... у меня есть из Яд-Вашема копии, понимаете? А этих я... это самое. Когда я была в Киеве, и когда этот вот...

человек, он сам с Украины, вот этот новый завзалом, и когда мы называли себя, я сказала, кто я, он сказал: «Мы о Вас знаем».

АК, НЕ: Угу, угу.

ГМ: Вот. И вы понимаете, как у нас любят? Сразу проявилось явле... внимание ко мне. Так как меня никто, видимо, не видел, но так меня заметили. Вот. Ну, и этот самый... наш председатель этой общины... киевской – не киевской, а всеукраинской, он мне... я ему говорю, что почему Вы не присылаете эти самые? Им эти... грамоты? А он с ней знаком. У нее с... один с... у нее сыновья раввины. Вот. Но то она крестилась, то она еще что-то – это неважно.

АК: Кто, она крестилась?

ГМ: Ой... Она... там все было. Вот. Она, значит, у нее сыновья раввины, и таким образом она знакома с этим Левитасом. Вы знаете Илью Михайловича? Слыхали о нем?

АК: Честно говоря...

НЕ: Мы слышали, но...

ГМ: Да. Вот. Ну, я, значит, ему сказала, и он срочно прислал ей эти вот. Она... пишет стихи, пишет рассказы – ну, а у нее образование 10 классов, но для того, чтоб иметь талант, не над... можно написать так. Но она довольно прилично пишет. Ее печатает еврейская газета, ее печатает винницкая «Иерусалимка», вот, ну, и она... решила, что раз она получила эти грамоты, она имеет право их от... отдавать без общины. И она, значит, пошла в Горсовет, к председателю Горсовета, секретарь Горсовета – это красиво, конечно, что она... но (понижает голос) она должна была пригласить общину. Кроме того, она уже... что-то там на нее напало, и она мне... я не могу к ней обратиться, чтоб я получила копии и пос... это самое...

АК: Кто напал на кого?

ГМ: Она ... у ней чего-то, у ней бывает такое – вспышка...

АК: А на кого она напала – на п... на мера, что ли?

ГМ: На меня.

АК: А, на Вас.

НЕ: На Вас! Боже мой, за что?!?

ГМ: А я не знаю – я (?) могу это объяснить? Ну, по-моему, (неразб.) с этими мадамами с общины.. не дружит. (совсем тихо) Вот ей просто не хватает немножко... рОзуму... общины... Ну, это бог... (неразб.)

НЕ: Это... дружат... вот... они...

ГМ: Они не дружат. (очень тихо) Они не дружат, понимаешь? (...)

(процедура заварки чая)

АК: А как она... ее выбирали, да, вот... председателем...?

ГМ: Не знаю. Я к общине стараюсь не иметь ничего.

НЕ: Но Вы же что-то про нее знаете, вот это было бы очень интересно. Я занимаюсь как раз..

ГМ: Я с общиной не общаюсь.

НЕ: А почему?

ГМ: Девочки, вы живете в городе, я живу здесь уже 56 лет, и я не могу привыкнуть к Тульчину.

НЕ: Почему?

ГМ: А вы знаете, что такое «ихес» на еврейском языке?

АК: Мммм. Я слышала это слово, но я не совсем... А что это?

ГМ: Это... как вам сказать? Ну, есть люди... людей разделяли по... по каким-то сословным принципам. Так вот высокий, или... сословный принцип, более низкие. И у нас, к сожалению, это настолько... настолько, ну... еще.. хотя уже тут всё сменилось, но всё равно это чувствуется. Когда мы приехали сюда, муж – директор школы, я – врач, то... скоро я тоже была... стала большим начальником, то, конечно, это было для всех непостижимо.

АК: Это был высокий ихес?

ГМ: Ихес, да. Вот. И это, к сожалению, сохраняется сейчас.

АК: А вот Вы говорили...

ГМ: Причем это независимо.. это не от националь... зависимо. Это такое положение. Всё, еврей он.. так я говорю, за 56 лет я не могу привыкнуть к этому.

АК: А вот, расскажите – что значит «на сословия»? Это вот какие были? Это вот высокие были, да...?

ГМ: Я не знаю, какие были. Но дело в том, что приехало два человека с высшим образованием, с.. занимающие определенный какой-то пост, значит, они требуют особого уважения. Ну, хорошо, если он, человек этот, оправдает это. Понимаете, как? А если он не оправдает? Поэтому... а к сожалению, я видимо, чем-то оправдала их. Ну, это неважно.

АК: А можно сказать, там, «большой ихес» и «маленький ихес»?

ГМ: «Маленький» не слыхала.

АК: А «низкий»?

ГМ: Но говорят по-евре... на еврейски, «а гройсе ихес».

АК: А гройсе ихес.

ГМ: Да.

АК: А про кого, вот, можно сейчас так сказать, а гройсе ихес?

ГМ: Ну, вот, я не знаю, кому можно сказать.

АК: Вот в Тульчине есть такие люди?

ГМ: Которые пользуются особым уважением? Сейчас таких я что-то не знаю.

АК: Да? А для этого человек должен быть богатым?

ГМ: Может и быть богатым, может и не быть богатым.

АК: Может и не быть, да? Это неважно?

ГМ: Нет. Раньше это считалось по богатству.

АК: По богатству, да?

ГМ: Да. Раньше, как до революции, это считалось по богатству, потом уже мы стали все равные, так что... Сейчас тоже они начинают выдвигаться, эти, которые богатые.

АК: Вот нам говорили, что здесь есть какой-то человек, кажется, его фамилия... как же его фамилия-то... Ле... Лек... Леховицер?

ГМ: Ну-ну-ну.

АК: Что он богатый, вот. Вот.. он богатый, да?

ГМ: Здесь вот рядом жил.

АК: У него дом, говорят, большой, красивый.

ГМ: Два дома там.

АК: Два даже?

ГМ: Да.

АК: А вот про него можно сказать, «а гройсе ихес»?

ГМ: Это в понимании тульчинцев. Понима... Но в моем понимании, я там ихеса не вижу. Я понимаю – ихес, это человек интеллигентный. А не только с дипломом.

АК: Ага. То есть, обязательно интеллигентный, может, богатый, может, нет...

ГМ: Это я понимаю так! А... как понимает Тульчин – я не знаю. А у меня беда в том, что я... осталась одна, вот, все привыкли относится ко мне с каким-то... с какой-то предосторожностью, я даже не знаю, с чем, и... получается, что из-за этого, из-за этого, я лежала... я ж... я ж... первые три недели вообще не могла ни ходить, ничего. Ну, по комнате я могла перемещаться, конечно. Я старалась – у меня ж никого нет, вот одна придет утром, принесет мне там иногда что-то на неделю сварит, на неделю она мне сварит...

АК: Это девочка из общины, да?

ГМ: Никакая девочка! Это.. женщина, 60 лет.

АК: Но из общины, да?

ГМ: Да, она наша бывшая медсестра. Вот. И она мне что-нибудь принесет, или сварит, или что. А потом она мне нарезала, и я себе сама готовила (о том, как ей помогали готовить, когда она носила гипс).

ГМ: Так что... И вот этот ихес, как я говорю, мне мешает.

АК: Мешает потому, что он только у Вас есть?

ГМ: Я не знаю, как другие. Я не знаю – я вообще очень мало здесь так это... на улице я общаюсь. А так я занята вот этой поисковой работой, я нашла себе работу, я занята чем-то... Но я не могу без людей, я не могу без дела сидеть. Вот это моя работа.

АК: А что значит, он Вам мешает? Я чего-то не совсем поняла.

ГМ: Ну, вот, никто не пришел, да? Все знали, что со мной несчастье.

АК: То есть, как бы... вот... это Вам дистанцию такую создает, да?

ГМ: Да, да, да.

АК: Между Вами и другими людьми?

ГМ: Какую-то инстанцию. Вот я сейчас особенно почувствовала. Если раньше еще кто-то заходил, то сейчас я эту дистанцию *очень* почувствовала.

АК: А вот, Вы знаете, я сейчас вспомнила, откуда я это слово знаю – мне такое выражение говорил кто-то: «ихес ин буд».

ГМ: (усмехается) В бане?

АК: Да. А Вы слышали такое выражение?

ГМ: Ну, это, может быть, знаешь, не такое... я не знаю, вообще-то, я плохо знаю, но... Как же тебе сказать? Я не знаю его. В первый раз слышу. Так... (...)

АК: Я вспомнила вот такое еще не совсем приличное выражение – «ихес-тухес».

ГМ: (смеется) Вот это.. это.. знаешь, о ком так говорят? Это говорят о человеке, который воображает и ничего не стоит.

АК: Ага, воображает и ничего не стоит, да?

ГМ: Да.

АК: Типа зазнается, да, вот...?

ГМ: Да, он думает, что он что-то... это самое, стоит.

АК: А кто-нибудь есть, про кого так сейчас можно сказать?

ГМ: Ну, это сколько угодно. Больше, чем надо.

АК: Ну, лэ мошэл? Например?

ГМ: Ну, что я могу сказать, ты ж тульчинских жителей не знаешь.

АК: Ну, почему, я кое-кого знаю.

ГМ: Кого ты знаешь?

АК: Ну, я многих знаю. Ну, многие евреев знаю.

ГМ: Да? Кого же из евреев ты знаешь?

АК: Ну, очень многих. Там, Олейниковых, Печерскую, Мусика, Леховицера... многих!

НЕ: Я, например, никого...

АК: Да, вот Наташа не знает...

НЕ: ...но мне очень интересно был бы узнать...

АК: ...про кого это, я, так сказать, никого...

ГМ: Видите ли... Олейникова – медсестра, она была в концлагере, потом она была на фронте. Это фамилия ей по мужу, Олейникова. У нее муж был русский, очень славный человек.

АК: Двойкес у нее, по-моему, фамилия.

ГМ: Дворкес.

АК: Дворкес.

ГМ: Вот. Это... кто еще? Кого вы еще...

АК: А, Печерская Фрида.

ГМ: Печерская Фрида, она имеет какое-то родство с женой этого... Алика. (...)

АК: А вот, я не знаю, вот...

ГМ: Это всё такая простая публика, понимаешь? Люди, которые имеют, там, какое-то небольшое образование, потому что они не успели доучиться, война. Вот. Они жили патриархальными еврейскими семьями, они не знают вот этого всего... ну, как это? Ну, они... понимаете, как они.. пристраиваются. Вот. Ну, а Мусик – это брат жены Леховицера. Они два врага на всю жизнь, не знаю, почему, что там у них происходит.

АК: А вот про простых людей можно сказать – «нидриге менчен»?

ГМ: Как?

АК: Нидриге менчен, нидриге.

ГМ: Я не знаю, я вообще это.. не признаю вот этого названия. Да. Потому что человек бывает такой только в силу того воспитания, или создавшихся обстоятельств. Но то, что его неправильно воспитывали, он не виноват. А если у него какие-то обстоятельства такие, то он тоже не виноват.

АК: А Вы раньше... вот, Вы говорите, что это сословное такое, да, как бы, было разделение?

ГМ: Да. Вы знаете, я когда приехала сюда, я не привыкла к таким.. вот... Ко мне могли подойти и сказать... сказать свое мнение об мне и о моем муже.

АК: Прямо подойти и сказать, да?

ГМ: Да.

АК: Это евреи так делали?

ГМ: Да! Муж старше меня, и он (...)

АК: Просто подходили и говорили своё мнение?

ГМ: Да. Почему Вы вышли замуж, он старше Вас. Он выглядел намного старше меня вообще-то. А я вообще приехала девчонка-девчонкой. Вот. Или.. что... почему, там, то... я никак не.. вот я до сих пор не могу привыкнуть.

НЕ: Ничего себе! Так это, вот, вот кто угодно мог, или это вот какие-то... уважаемые...

ГМ: Раньше подходили евреи, я не знаю, когда они там.. Раньше это делали.. ну, евреи, всё. Ну, вот я могу выйти на улицу, да, с кем-нибудь заговорить, значит, это мой уже любовник, даже сейчас, в этом возрасте.

НЕ: Это про Вас так говорят, да?

ГМ: Да! Меня выдают замуж! Даже за кого не знаю, правда, я за кого – я не все случаи выясняю.

АК: А что, вот, люди, которые с ихесом, они так не будут делать?

ГМ: Конечно, ува... люди, которые... интеллигентный человек же не будет этого делать. Так? Вы что, будете заниматься только сплетнями? Я, например, никогда не рассказываю, что я стирала, убирала, у нас, я когда приехала, меня называли «пани», и так я до сих пор «пани». И когда я устроила проводы в больнице, что я уходила на пенсию, так они все потрясены были, что я умею готовить. Оказывается, да, да? (...)

(21.20)

АК: То есть, те, кто сплетничает, вот, такие слухи распускает, это люди без.. нит мит а ихес, да?

ГМ: Нет. А таких вот, действительно интеллигентных людей я здесь... ну, раньше были здесь, раньше были. А сейчас же ж ничего не осталось.

АК: А вот кто, например, раньше был – это интересно.

ГМ: Ну, раньше были – ну, разных национальностей. Вот. Раньше были и среди учителей очень много было интеллигентных, и были у и врачи интеллигентные, были люди разных специальностей, вот, а сейчас, вы знаете, я очень... меня... почти нигде не бываю, но если я где-то встречаюсь, мне уже знают, что мне не надо рассказывать, что она варила.

АК: А про неевреев можно было сказать, что он а гройсе ихес?

ГМ: Конечно можно было.

АК: Можно, да?

ГМ: Да.

АК: То есть это не только о евреях?

ГМ: Нет-нет-нет. Здесь было очень много интеллигентных людей, здесь было... были... вот здесь мои родственники были. Она еврейка, а он русский. Она медсестра была, здесь очень была такая... был такой фельдшер Старосельский. У него было 4 дочки. Старшая дочка Маня была медсестрой, она жила здесь в Тульчине, вторая за ней дочка была женой моего дяди, папиного брата, она кончила ме... сначала фармоинститут в Виннице, а потом мединститут, она была после войны, значит, завкафедрой, профессором в Ивано-Франковском мединституте. Третья дочка у них была крупным фармацевтом в Москве, а четвертая тоже была врачом, кандидатом медицинских наук. Вот. Так вот у старшей дочки, у Мани, был муж русский. Это был высокообразованный, очень интеллигентный человек. Он умер, здесь похоронен...

АК: А вот это понятие «ихес», это как-то связано вот с той семьей, откуда человек происходит?

ГМ: Да!

АК: Да?

ГМ: Да.

АК: А что больше вот в этом вот – личного или семейного, как Вам кажется?

ГМ: Мне кажется, что это и то, и другое. Потому что Вы знаете, что может быть человек... семья... интеллигентная, а сын может быть бандитом. Так? Так что это и то, и другое. Но бывает так, что человек из простой семьи, из необразованной семьи, но становится интеллигентным человеком, он занимает какой-то пост, и что-то это самое.

АК: Про него уже можно будет сказать, что он мит а ихес?

ГМ: Да, да. Мит а... да, конечно.

АК: Или только уже потом, про его детей и внуков, от него...

ГМ: Это зависит от того, какие у него внуки.

АК: Нет, ну если они тоже хорошие...

ГМ: Да.

АК: ...про него тоже можно сказать, что он мит а ихес?

ГМ: Да.

АК: Хоть он и из простой семьи, да, получается?

ГМ: Да. Да.

АК: А вот ремесленник, скажем? Раньше, вот, нам говорили, здесь много ремесленников было.

ГМ: Здесь да, в Тульчине очень много ремесленников...

АК: Именно евреев?

ГМ: Да. Да-да. Были... столяра, были портные, были сапожники, были... шорники – ну, я не помню там.. всех специальностей, я так это... у меня вот эта глава из этой.. «100 еврейских местечек»...

АК: А может быть шорник с ихесом?

ГМ: Видите ли, они жили по.. до войны, до революции, они жили по своим специальностям. Значит, отдельно столяра, отдельно эти самые... Я не знаю, я не знаю же это время. Я не могу сказать. (неразб.) немножко знала. Но то, что я застала в Тульчине, когда я приехала, вот это разделение, я чувствовала это, что вот этот был с более богатой семьи, этот...

АК: Ну, то есть, с одной стороны, вот, были люди Вашего круга, вот, врачи, учителя там...

ГМ: Да.. Нет, были... да-да-да! Но дело в том, что и врачи, и учителя, это еще ни о чем не говорит, девочки. Вы и сейчас знаете, что диплом ничего не решает. Так?

НЕ: Но разве в советское время было так...?

АК: Но по-моему в советское время чуть по-другому было...

НЕ: Там же диплом был диплом, это ж не был липовый какой-то.

ГМ: Да. Дело в том, что диплом давал образование и хоть немножко подтягивал к интеллигентности. До вое... довоенный диплом. Вот, и... как.. как нас учили – нас учили обращению с

больным, нас учили подходу к больному, нас учили вежливому отношению... это одна из.. один из... и одна из частей интеллигентности, так? А сейчас, девочки, я вас скажу, что со мной было. У меня в этом году – хоть иди к ворожке.

(О том, как с января месяца все время болеет, то сердце, то еще что-то. К ГМ пришла медсестра, пришла ее ученица, которая, по мнению ГМ, разговаривала с ней по-хамски. В больнице или поликлинике ГМ никто не принимает, потому что ее бояться как врача. Вот какие сейчас дипломы. Раньше дипломы были настоящие, их нельзя было купить. Винницкий мединститут раньше славился на весь Союз, «к нам приезжали купцы со всего Союза», т.е. разбирали выпускников. ГМ была физиотерапевтом, но ее не направили на физиотерапию после того, как она упала и сломала руку – это говорит о цене диплома).

АК: А вот, значит, вот раньше, вот были, значит, врачи и учителя, да, с дипломами, которые что-то значили. А вот какая еще... вот Вы бы сказали, что там... вот ремесленники, они составляли какую-то там свою, другую группу, да?

ГМ: Да, да.

АК: А еще...?

ГМ: Ремесленники... ремесленники, торговцы были.

АК: А вот Вы не помните, вот, допустим, у них, там, дети рождались, да?

ГМ: Так.

АК: Вот их дети обычно перенимали их профессии, или...?

ГМ: Как хотели. Я не знаю – я ж говорю, до революции я не могу сказать, но после... я до войны тоже не очень этим интересовалась, но после войны кто хотел туда шел. Вот у нас был здесь... столяр. Его война... он был на фронте, а его семью уничтожили. И он после войны женился на какой-то женщине, и у них родилась дочка. И эта дочка была очень музыкальная, кончила музыкальное училище, или, может быть, консерваторию, и была преподавательницей у нас здесь в училище культуры, сейчас она в Америке живет... в Израиле живет. Вот. Очень много детей ремесленников, понимаешь, получали высшее образование... зани...

АК: Это бывало, да?

ГМ: Ну – перед... после войны – перед войной и после войны особенно! Если до войны среднее образование это было редкость, а высшее это было вообще так, но после войны у нас очень много появилось.. людей с образованием. У люде... тогда, до войны, я помню, я была маленькая, когда были ликбезы. По ликви... это...

АК: По ликвидации безграмотности?

ГМ: Ликвидации безграмотности. А потом уже у нас не было неграмотных. Значит, люди стремились выше.

АК: А Вы бы сказали, что вот евреи стремились к этому больше, чем украинцы?

ГМ: Да. Всякий запретный плод сладок. Нас очень любили, и сейчас очень любят, вот. И.. до войны очень трудно было попасть в институт, и были какие-то такие незаметные, может быть, я не знаю, нормы это самое. Но после войны это очень чувствовалось. Я вам расскажу, что у меня было с сыном. У меня сын в Москве, он тоже там крупный товарищ, он академик, и всякое такое, но...

АК: Вы нам показывали в прошлом году, да..

ГМ: Книгу?

АК: Да.

ГМ: Показывала?

АК: Да.

ГМ: Вот. Ну, в общем, мой сын кончил институт, и ему дали назначение в какой-то закрытый инсти... вуз. Он.. у них какой-то был.. спецфакультет, он очень хорошо там себя проявил, он прекрасно учился, у него красный диплом, в общем, всё-всё-всё. Фамилия у него нейтральная.

АК: Какая у него фамилия?

ГМ: Могилевский!

АК: А, ну да.

ГМ: Он, значит, пришел куда ему дали назначение, а невестка была у меня – она кончила на год раньше. Значит, он получил назначение, там ему льготы всякие какие-то, там, бесплатные обеды, ну это... да. Короче, институт, о котором я мечтала. Как мама. Вот. И он когда приехал в Москву с отпуска, ему сказали, что его место занято. Да. И куда он ни ходил – его диплом не подошел. Он пошел в райком партии и сказал: «Объясните мне, почему я не имею права на работу. Я кончил институт, получил назначение, там..» – в какой-то институт, я ж не знаю, как это называлось, я там даже не знаю, где он учился. Только где этот институт, я знаю, где он учился, но где этот институт находится... Вот. Так он... и его... представили работу. Открывался научный.. научно-исследовательский институт, и он по информатике, еще чего-то там, и он срочно получил туда работу. Вот. И там он написал 3 кандидатских диссертации. Первую кандидатскую диссертацию он написал своему начальнику отдела, еврейскому парню, вторую кандидатскую он написал себе, и когда он написал вторую кандидатскую и пошел на защиту – а ребята взяли с собой диктофон, его очень любили, он у меня такой общительный товарищ, вот и... взял с собой диктофон, взяли они с собой диктофон, оказывается, этот самый заводделом боялся, что если защититься, он пойдет на его место, потому что, ну, он талантливее, ну, понимаете, что если он за него написал всё. Так он на диссертации на защите стал говорить всякие гадости. Ну, сынуля у меня имеет

мамин характер, он, значит, сорвался и сказал, что он не будет защищать. Да – там всё записано у них на диктофон. И он перестал и ушел. Значит, это уже вторая диссертация, да? Ну, а третью он защитил. Но уже он защищал в другом ВУЗе. Чтобы не попасть к этим самым.

АК: А здесь в Тульчине знают, что у Вас сын – академик?

ГМ: Почему ж не знают?

АК: А вот к Вам как-то изменилось отношение с тех пор, как он стал таким большим человеком? Вас стали больше уважать...?

ГМ: Вы знаете, что, девочки – давайте я вам похвастаюсь.

НЕ: Давайте.

ГМ: То, что я и муж приехали сюда с высшим образованием, хотя тут много было учителей и врачей, всё... то, что мы занимали посты, и то, что к нам... ко мне и к мужу относились *очень* хорошо, это всё сохранилось. В этом ничего не могло измениться.

АК: Ну, еще вот, как бы, больше уважения – я не думаю, что здесь у кого-то еще сын – академик есть.

ГМ: Нет, у нас есть еще несколько акадэмиков, но их родителей нет уже в живых, чтобы хвастаться. Но... дело в том, что я не знаю, как ко мне относятся. Я.. тут ведь местных, коренных жителей почти не осталось этих вот.

АК: Ну, а вот в общине?

ГМ: Ну, общение – я имею дома здесь общение.

НЕ: В смысле, они приходят к Вам?

ГМ: Нет. Они мне пакостят. Ну, всяк.. мне сейчас под окнами делают гараж. Закроют мне окно (неразб.), всё, и я буду смотреть на стенку.

АК: Так это члены общины, что ли, строят?

ГМ: Это не члены общины, это украинцы. Их... запах еврейский мешает. И они мне стали всякие гадости делать.

АК: Какой еще запах еврейский? Что это еще за запах еврейский?

ГМ: А я не знаю, что меня... я полвека пока работала в медицине, не знаю, не могу по национальности разрешить... Запах... Я не умею..

АК: А вот расскажите нам еще немножко... мы тоже вот недавно в Тульчин начали ездить, нам говорили, что здесь был какой-то человек, которого звали Бартик.

ГМ: Да. Это он организовал еврейскую общину.

АК: А когда это было?

ГМ: Я не знаю, когда это было, потому что меня туда не приглашали. Незадолго до отъезда он меня включил в эту общину. Вот. И он... он очень такой... он был заготовщиком на обувной фабрике. Знаешь, что такое заготовщик? Это тот, что кроит вот эти вот...

АК: А! Это тот, что закройщик?

ГМ: Закройщик, да. Закройщик на швейной, а то заготовщик называется. Вот. У него два сына, оба они инженеры, один из сыновей у него жи... работал в... Акадэмгородке в Москве. А второй жил здесь, в Тульчине. Вот. Очень, знаете, с этот... самородок. Если бы он получил бы образование, он бы очень далеко пошел. Он очень способный был, он ребенком попал... он и его жена попали маленькими детьми в нашу знаменитую Печору, вот. Ну, я не знаю, как дальше, но он организовал общину, всё, и я не знаю, как она работала, я в ней не была.

АК: А уезжал он в каком году?

ГМ: Тоже... он уже, наверное, лет 10 там. В Германии.

НЕ: А вот Вы сказали, что Вас туда не приглашали – а что, кого-то приглашали, кого-то не приглашали?

ГМ: Ну, я даже не знала, что есть община, девочки.

АК: Да!?!?

НЕ: Это что было – это тайна была?

ГМ: Почему тайна? Я не вращалась в этом кругу, я не знала этого.

АК: Это вот та дистанция, о которой Вы говорили, да?

ГМ: Да, вот эта дистанция...

АК: Там что-то происходит, а Вы не знаете...?

ГМ: Я не знаю! Это дистанция. Они относились ко мне с уважением, всё, но я не...

НЕ: Они же знали, что Вы еврейка?

ГМ: Почему же они не знали? Они прекрасно знали!

НЕ: Как же вот... Вас и не...

ГМ: Они знали, что я одна, они знали, что... всё знали!

НЕ: И как Вы думаете, почему же они... это ж так сказать...

ГМ: Не знаю – вот опять эта дистанция. Вот это ихес вот этот. А потом я не знаю, кто ему сказал, и он, значит, меня... мне принесли пару раз посылку, вот – я ж не получала ничего. А потом мне принесли пару раз посылки, а потом вскоре он уехал, и... вот последняя посылка была голландцы нам прислали вот эти игрушки, там... У меня было много игрушек, я их раздавала детям.

АК: Так это не только продовольственные были посылки, получается?

ГМ: Нет, были – я не знаю, какие были, про... пра... вот. А это как-то прислали нам голландцы – там... видимо, для детей, там были игрушки, продукты были, всё. Ну, там, знаете, кто... вот.

НЕ: То есть, Вам стали приносить посылки и сказали, что Вас причислили к...

ГМ: Нет, меня *пригласили* за этими посылками, вот, ну, и я это самое... А потом он уехал, значит, это... наша Рита Генеховна стала...

АК: А каким образом она стала?

ГМ: Она сама стала – никто ее не выбирал.

НЕ: А разве так можно?

АК: Да.

ГМ: Девочки, вы просто не представляете состав, который здесь есть. Вот эти дамы, что вы с ними познакомились...

НЕ: Ну да, я вот...

ГМ: Ну, они же что? Ну, одна из них работала касс... билетером в театре, а вторая еще где-то, или она вообще не работала. Ну, она имеет какое-то, вроде, образование, там, я не знаю, может, 7 классов, или 8 классов – 7 тогда было классов. Они же прошли ад Печоры, вот. И они соблюдают, собственно говоря, вот такие клановые, как это... обычаи. Я, например, не знаю...

НЕ: Это что такое – клановые?

ГМ: Ну, не кла... как вам сказать... свои... Ну, вот, я, например, городская, я не знаю ничего.

НЕ: Понятно.

НЕ: А у них?

ГМ: А они здесь выросли. Здесь же ж все украинцы говорили по-еврейски. Да. Я приходила на вызов – они со мной говорят по-еврейски.

АК: Ого!

ГМ: А я – баран-бараном. Да.

АК: Ничего себе!

ГМ: Да. Да.

НЕ: То есть, у них были какие-то свои обычаи?

ГМ: Свои обычаи, свои эти самые... порядки, свои всё.

НЕ: Так Вы так думаете, или Вы знаете, что...

ГМ: Я знаю! Я ж ходила по хатам, я ж была участковым педиатром. Вот.

НЕ: А какие у них такие свои обычаи?

ГМ: Я не знаю их.

НЕ: А...

ГМ: Но они соблюдали свои законы, свои эти самые. Что, вот, там... э... Да я вот это знаю, вон, по Шолом Алейхему. А такого же я не знаю. Ну как? Вы же тоже не знаете их. Вы городские, вы не знаете. И вот я говорю, что я здесь 56 лет, а я не могу привыкнуть. Но раньше здесь была интеллигенция еврейская.

АК: А они в нее не входили, в эту интеллигенцию?

ГМ: Вот эти, что сейчас есть? Нееет!

НЕ: А еврейская интеллигенция с ними тоже не общались они? Или как-то всё-таки...

ГМ: Нет-нет-нет. Это были разные, разные совершенно эти самые... они не соприкасались. Здесь были... здесь.. разные люди были. Ну.. и это была совершенно, совершенно другое это... Я с

ними не прикасаюсь, потому что я ходила по домам. И потому что сейчас я поневоле их вижу – а так я с ними ничего общего не имела.

АК: Скажите, а вот такое слово – клейнштетлдик?

ГМ: Вот это...

АК: Это про них так можно сказать?

ГМ: Да. Вот это вполне о них.

АК: А что это, вот, значит – клейнштетлдик?

ГМ: Невоспитанный. Недостаточно воспитанный.

АК: Ограниченный, да?

ГМ: Ограниченный, да.

АК: А может быть «клейнштетлдик», но с ихесом? Или это невозможное сочетание?

ГМ: Нет. Он может быть из штетл, но с ихесом – это разные вещи. То есть человек... ихес – это уважение. (...)

АК: Уважение самого себя, самоуважение, или уважение других ...

ГМ: Уважение других! Самоуважение это совсем другое. Ну, вот вы уважаете человека, или.. это так.. Вы можете... вы можете ко мне относиться по-разному – понимаете? Вы можете меня уважать как человека, и можете меня не уважать.

АК: Ну да.

ГМ: Независимо от того, кто бы я ни был. То есть, уважение вот это у меня была, вот это у меня такое положение. Понимаете? У меня ужасное положение. Вы не представляете.

АК: А Вы бы сами хотели эту дистанцию сократить?

ГМ: Конечно, я очень демократична, я б сократила с удовольствием – но я не хочу. Я не могу это сделать.

НЕ: Потому что они не хотят? Или потому... почему не получается у Вас контактов...?

ГМ: Ну, понимаешь, что? Ну, с кем? С еврейской общиной, что сейчас есть?

АК: Ну, например.

ГМ: Там мне не с кем общаться. Там не с кем общаться, понимаете? Вот. У нас осталось мало народу, и это в основном такие женщины, я ж говорю, которые... которые знают вот это самое. А вот этот... Леховицер, вот – он богатый, он ветеринарный врач, он большой этот самый... деятель. Его жена кончила... винницкое музыкальное училище, но она ни одного дня не работала. У нее ум настроен только на.. на... деньги, у нее обслуживают ее несколько там домработниц.

АК: Ого!

ГМ: Да. Как же! Она же важная. Вот. Так понимаете – ну что я могу иметь с ней общего?

АК: А про нее можно сказать «ихес-тухес»?

ГМ: Я согласна.

АК: Да?

ГМ: Да. Она, понимае... она потому.. это Мусика сестра. То, что вы говорите – Мусик. Родная сестра. Вот. Что вы можете с ней иметь общего – понимаете? – когда у нее вся идея, и всё построено на деньгах. У нее.. она сама ничего не делает, у нее домработницы. Одна подметает, другая варит, а третья еще чего-то там делает, не знаю. Всё. Всё. Меня к этим людям не тянет. Я при.. я... мне интересно поговорить не о том, что ты... я сварила – ну, иногда, с одной женщиной, может быть, рецепт, или что... Так? Но это же не тема для разговора ежедневного, и для общения. Есть вся.. много интересного, там книжку прочтешь, там посмотришь, там что-то вспомнишь, вот. Я когда-то была в Сочи, в санатории, я завела там так: что мы, значит, если мы никуда ни на экскурсию не ехали, ничего, значит, мы собирались – там большой холл, и большой стол стоит – и каждый, кто приходил, рассказывал, что он в своей жизни видел.

АК: Ага, здорово!

НЕ: Отлично, да!

ГМ: Да. С нами был один мужчина, из Питера, который, значит, принимал участие в получении репараций в Германии после войны – он нам рассказывал. Там был какой-то геолог, который прошел очень много видел на свете – он это самое. И таким образом, понимаете, всем было интересно. И как только меня видели, что я появлялась в здании – меня усаживали за стол. Да. Но все знали, что я домашняя хозяйка – пока меня не выдали. Вот. Понятно? Вот это я понимаю – я понимаю такое общение.

АК: Ну, тогда, с Ваших слов, я, вот, как бы поняла, что Вам и не хотелось бы быть... становиться такими, как они.

ГМ: Нет.

АК: То есть, Вам эту дистанцию хотелось бы сохранять?

ГМ: Нет. Я хотела бы подтягивать к себе людей.

АК: А!

ГМ: Но... но что я могу с ней.. о чем я могу с ней говорить? Что она купила еще одну тряпку? Или еще одну какую-то там.. драгоценность? А? Вы посмотрите, девочки, вы посмотрите на одну вещь. Вот у вас в Питере раньше очень такая демократичность была среди населения. Общались, приходили в гости, так? Причем общались очень интересно, очень содержательные вечера были. Ну, если там было немножко вина – ну, немножко, никто не нажирался, как свинья. Всё было интересно, не знаю, как сейчас.

АК: Сейчас все работают на пяти работах.

ГМ: Я не знаю, как сейчас. Но если общаются, если какой-то праздник выходит на выходной день – каждый день же не общались. Я не знаю, как она.. как оно приходит, то общение.

АК: Ну, у всех тоже по-разному – поскольку город очень большой...

ГМ: И, кроме того, самых настоящих питерцев почти уже нет, погибли в блокаду. Вот. Так что это совершенно другое.

АК: А вот нам еще тоже рассказывали, что сейчас в Тульчине тоже меняется вот так вот, что, вот, много евреев уехало, и, с другой стороны, много из сел понаехало...

ГМ: С сел... вот у меня село. Я их чувствую на своей этой самой...

АК: Да?

ГМ: И так хорошо чувствую – они такие гадости делают.

АК: То есть, меняется как бы такой вот.. состав, да, населения?

ГМ: Да. Да-да-да. Ну, если я вас скажу вот такую вещь. Вдруг ко мне стала приезжать директор школы из одного села. Нашего района. Ну, так как вы сел не знаете – я не называю. Ну, она стала заезжать, но если она приезжает, я ж ее должна положить спать.

АК: А, Вы рассказывали про эту женщину.

ГМ: Так она везде ходит и рассказывает, что у меня чист.. белое белье. Ну я.. чему можно удивляться? А какое оно должно быть – грязное? Вы понимаете? Ну, это говорит об уровне ее воспитания.

АК: А вот тогда еще такой вопрос: человек может быть необразованным, вот как Вы сами сказали, ну, так ситуация сложилась, да, вот многие, там, в том возрасте, когда нужно было учиться, вот, в лагере, там, были...

ГМ: Да, ну, и не было возможности, не было...

АК: Да, но ведь образование и интеллигентность – это разные вещи?

ГМ: Да. Интеллигентность – это воспитание. Это состояние души, это воспитание.

АК: Так что человек может... и контролером работать, да...

ГМ: Да.

АК: ...но при этом быть интеллигентным?

ГМ: Да. Но с ним очень интересно общаться. Он может работать и сапожником, он может работать и стОляром, и дворником, и кем угодно – но с ним интересно общаться. Но ежели человек, который имеет высшее образование, и вы же.. и вы захотите с ним сидеть за одним столом? А что, нет?

АК: А получается, что вот эти вот женщины из общины, у них не только образования нет, но и...

ГМ: У них воспитания нету. Они привыкли вот к... к этому... вот ихес ее останавливает. А? Вот в общении со мной их останавливает вот это ихес. То есть... авторитет – я знаю, как это перевести? Вот. Что я врач, что я, значит, там... мой муж был такой, всё. А на самом деле, ну что? Я обычный человек!

АК: Так вот она даже боится, да, что ли...?

ГМ: Ну, она... она, там, может иногда со мной поздороваться, когда-нибудь что-нибудь спросить, но общаться как таково... нет!

АК: Вы как бы из разных сословий, получается?

ГМ: Да, это разные сословия! А сейчас у нас в общине – там никого нету. Осталось очень мало народу, которо.. с которыми можно действительно...

АК: А молодых много там?

ГМ: Я не знаю. По-моему, нет.

АК: А вот их собственные дети, вот... у этих женщин – они не привлекают их к работе в общине? Та же Рита Генеховна и, вот, Софья Иосифовна?

ГМ: Софьи Иосифовны сын на Урале.

АК: А, он не здесь, не в Тульчине.

ГМ: Да. Но Софо..чка – она интересный человек. Она, конечно, с Ритой ее сравнить нельзя.

АК: Ага, вот так, да?

ГМ: Да.

(о конфетах – не может есть их, т.к. у нее нет зубов, а конфеты с орехами)

АК: А, значит, Софья Иосифовна, она как-то более, вот..

ГМ: Ну да, она.. это сравнить нельзя. Вот. Она начитана...

НЕ: Она ж, кажется, тоже медик – нет?

ГМ: А?

НЕ: Она, кажется, тоже медик по образованию?

ГМ: Они обе медсестры.

АК: И Рита Генеховна?

НЕ: И Рита Генеховна тоже? (ГМ молчит) То есть, они получили одинаковое образование, но при этом очень отличны, да, друг от друга? (ГМ молчит) А вот в чем, как так получилось?

ГМ: Как так получилось?

НЕ: Да, что вот.. ну, они же обе заканчивали медицинский...

ГМ: А это не важно. Рита попала в лагерь – ей было 6 лет. У ней погибли родители. Она воспитывалась там какой-то детский дом был... в лагере... и она, собственно, пробилась, кто-то ей там помог из людей, из евреев – помогли. Вырастила, учится. Сонечка жила с мамой – у нее мама очень интеллигентная женщина. Всё!

НЕ: То есть, это чисто воспитание, да?

ГМ: Интеллигентность – это воспитание.

НЕ: Ну, а... вот я слышала, что Соня Иосифовна – раввин.

ГМ: Да.

НЕ: А как так получилось?

ГМ: Ну, есть же... как это называется... современный это иудаизм. Вот она в этой...

НЕ: Это что?

ГМ: Она раввин не.. как это.. как это называется? Эти вот, пейсатые...? Как они называются?...

АК: Хасиды?

ГМ: Хасиды! Есть хасиды, есть евреи какие-то еще там, а это евреи новые, новая... эта самая. Я познакомилась, когда я была в Чернигове на этом съезде, я познакомилась с женщиной-раввиной, она еврейская писательница.

НЕ, АК: Угу.

ГМ: Очаровательнейшая женщина, она сама родом с Украины, ну и живет – или... я не поняла, или она там.. в общем, она очень много лет живет в Америке, она большое место занимает в культурной жизни, и она писательница. И она это... она раввин. Женщина-раввин. Когда я была в Киеве на... там.. этих всяких... еврейских занятиях, то мне эти ребята, которые... наши ребята, которые учились в этих шива.. ешивах, вот, что.. в Израиле – выбросьте... вот у меня лежит мезуза, она мне подарила эту мезузу, а вторая подарила мне вот этого... краба, да. Это для рук, между прочим. (...) Вот. Так... они – выбросьте эту мезузу, это негодная, ничего – чего я должна ее выбрасывать?

НЕ: Это кто Вам сказал, чтобы Вы ее выбро...?

ГМ: В Киеве мне рассказали эти мальчики, что кончили ешиву.

НЕ: Ага! А почему она была негодная?

ГМ: Потому что они эту религию не признают.

АК: А это разные религии, вот хасиды – и эти?

ГМ: Да. Это как староверы...

НЕ, АК: А!

ГМ: Да. А это новая религия. А сейчас же есть... ну, раньше была секта, у иудеев – ессеи. Так?

НЕ: Так.

ГМ: Теперь есть еще секта вот эта.. это же тоже какая-то.. есть иудеи-христиане. Вы не были никто в Израиле?

АК: К сожалению, нет еще.

НЕ: Нет.

ГМ: У них.. у них на церкви – мы были в храме Гроба Господня в Иерусалиме – и там было объявление, что иудео-христиане собираются, там, такое-то такое-то число. Ведь христианство-то тоже еврейская секта.

АК: Иудео-христиане – это через черточку, или это два слова?

ГМ: Два слова. Через черточку. Как хотят пишут – одни пишут через черточку, одни пишут во так.

НЕ: А здесь есть такие?

ГМ: А их.. сейчас есть вот эти секты. Секта какая-то мне сказали, я не знаю, у нас в доме культуры работает, но я вот не запомнила название, молодой парень там ведает, он украинец, он... учился в Киеве по-моему, и сейчас он здесь проповедует. Потом

есть секта, по-моему, они называются или то.. не то протестанты, не то.. или еще как-то – или не знаю, в общем, я в этих сектах никогда...

АК: А ессеи вот эти есть?

ГМ: Ессеев у нас нету, ессеи это израильская секта была – я не знаю, есть ли она сейчас, я не слыхала о ней – когда я была в Израиле, я этими вопросами не интересовалась. Я интересовалась социальной помощью.

АК: Ага, ну да.

ГМ: Да. Вот. А этим я не интересовалась. Но я слыхала, что.. значит, я видела объявление на этом.. на двери, что с.. еврей-христиане. Да. И вот, вот эти секты, христианские вот эти несколько сект, они не имеют... так как в этом... в синагоге, там же нет ни.. ни.. ни... ничего, так? Скамейки – и всё. Вот, так в этих сектах так тоже ничего нет.

АК: Икон нету?

ГМ: Не-не-не, никаких икон, они выполняют точно все – у них выходной субботу, они выполняют все те же.. все те же эти самые законы, которые выполняют евреи. И там есть очень много евреев.

АК: Интересно.

НЕ: Очень.

АК: А верят они во что-то другое или в то же самое? Почему они.. секта?

ГМ: Вся вера, все их библии – всё это перевод с еврейского. С иврита. Во всех. Если он.. это самое.. Иисус, у евреев, так, то у этих.. на Востоке, он Иса.

АК: А чем вот эти еврей-христиане отличают от... просто нормальных евреев?

ГМ: Я не могу тебе на этот вопрос ответить, то есть, и те считают себя нормальными, и эти считают себя нормальными.

(НЕ смеется)

АК: Так а вот эта община, она как себя считает? Кем?

ГМ: Это... иудейская община. Да. Чисто иудейская. Чисто иудейская.

АК: А это... а почему – а как же женщина-раввин?

ГМ: Но.. дело в том, я ж тебе говорю, есть новые религии и старые религии. В стар... в новой религии женщины стали раввинами. Это началось в Америке, вот – я не успела ее расспросить, эту женщину-раввину, с которой я была знакома, потому что она очень интересный человек, и мне... было очень это самое. Меня там нафотографировали на всех этих фотографиях, и мне там обещали, что меня вызовут – кто, там, в Чикаго, та еще куда-то... в общем, я там...

АК: Поезжайте, поезжайте!

ГМ: Меня никто не вызывает, так что не надо ехать. Вот.

НЕ: Так а вот здесь, когда.. ну, ведь женщина, которая ведет службу – это странно. Как, вот, здесь местная общественность не возмущалась...?

АК: Еврейская.

НЕ: Да, еврейская, по поводу того, что...?

ГМ: Туда ходит 10 человек, или сколько. Или 15. Кто там ходит? Мне она сказала... мне сказали, чтоб я туда не ходила, что мне там делать нечего – ну?

НЕ: Кто Вам сказал?

ГМ: Наши девки!

НЕ: Еврейки?!?

ГМ: Вот эти, что там...

НЕ: Которые приходят к Вам?

ГМ: Не. Ко мне приходит нееврейка, она украинка.

НЕ: Так а кто Вам сказал, что Вам не надо...

ГМ: Я один раз пошла туда – на шаббат! Так мне объяснили, что мне здесь делать нечего, я повернулась и ушла.

АК: А кто объяснил?

НЕ: Почему?!?

ГМ: Они же это же, та же самая Рита. Хотела просто знать, что это такое, я даже никогда не виде... ну, где я это видела?

НЕ: А Вам сказали, что Вам не надо, потому что...?

ГМ: Не потому что, а просто сказали, что мне здесь делать нечего. Под каким-то предлогом, и всё. И я ушла. Так что я не знаю даже, что там делается.

НЕ: То есть, Вас не пустили?

ГМ: Нет, я зашла в комнату. Но мне так сказали.

НЕ: То есть, вот, буквально, что Вам нечего... Дак и... а как Вы это объясняете? Чем? Ну, это ж должна быть какая-то причина...?

ГМ: Опять это ихес. Опять это ихес.

НЕ: Опять ихес?

ГМ: Да. Понимаешь, нас, видимо, нельзя сопоставить с Ритой. Она медсестра, но дальше ж она не поехала. Потому что я знаю людей, которые не имеют образования, но они, с ни... они интеллигентны, с ними приятно общаться, так? Вы со мной согласны?

НЕ, АК: Да, конечно!

ГМ: Ну, вот так. А здесь – вот тут встала, и всё. И не (неразб.) Вот она требует, чтоб они ходили за ней и выполняли каждое ее слово – эти, ее помощницы.

АК: То есть, она там главная, да, самая – получается?

ГМ: Рита – да. Вот. Но у нее уже не хватает – это уже последний.. одна наша бывшая медсестра, она в Америке, она дружила с Соней, она ей прислала – кто-то ехал, она ей там чего-то

там передала, я не знаю, что – я не спрашивала. Меня этот вопрос не волнует: передала – передала. Так Рита ей доедала.

АК: Доедала?

ГМ: Доедала. «Тебе.. ты дружила, тебе присылают...!» Та: «Ну так что, мы же (неразб.), так передаем что-то, дружбу сохраняем – что ж тут такого?» Почему? А мне что она творила! Я думаю, она, видимо, понимает, что я не могу претендовать – я не претендую. Ни на чью должность.

АК: Она думала, что Вы претендовали на ее должность?

ГМ: Я не знаю, что она думает. Вот. Но выслушивать это все я...

НЕ: Это так она хамила, что ли, Вам?

ГМ: А? Ну, она, понимаете, девочки... я... знаешь, есть такая поговорка: мама говорит дочке, а думает невестку.

НЕ: Первый раз слышу такое.

ГМ: Да? Не знаешь?

АК, НЕ: Нет.

ГМ: Вот. Дело в том, что свекровь.. свекровь... иногда не может ска... есть такая, что хамит для невестки, и придирается, и всё. А есть такая, что, ну, дружит с невесткой. А есть такая, что она не может спокойно на нее реагировать, вот, так она начинает грызть, начинает предлог, чтобы этот касался невестки. Но, говорят, грызет она дочку. А та, если... а та умная, понимает, что это к ней относят, вот поэтому они... говорят, что дум.. дочку, а думает невестку.

АК: А почему там ходит так мало людей? Она что, кого-то еще не пускает? Кроме Вас?

ГМ: Я не знаю, сколько там ходит, я там не была.

АК: Но Вы сказали, 10-15 человек..

ГМ: Я.. я так думаю, я не видела, что...! Я ж их не вижу. Старые многие не могут ходить.

АК: Там есть какой-то постоянный список, кто туда ходит?

ГМ: Не знаю. Ни-че-го – я там не бываю.

НЕ: Ни на праздники, ни на...?

ГМ: На праздники еще меня приглашают, но дело в том, что у меня... значит, зять моей двоюродной сестры в Виннице – он глава общины винницкой, так что меня приглашают поневоле.

АК: То есть, и хотели бы, да никак не могут?

НЕ: Угу. Понятно. А вот на каком последнем празднике Вы у нее были?

ГМ: На Паске.

НЕ: На Пасхе.

АК: Вот в этом году, да?

ГМ: Да.

НЕ: И как это всё проходило? Вы не могли бы рассказать?

ГМ: Ну, так, как она понимает вот это...

НЕ: В смысле Рита или...?

ГМ: Рита.

НЕ: ...Соня...?

ГМ: Нет, там Рита решает.

АК: А расскажите...

НЕ: И как...

ГМ: Ну, значит... вы это.. на Паску, значит, обед. Рита... Соня, значит, молитву произносит на все четыре этих.. фужера – и всё. Это называется Паска. На какой-то другой праздник – я не знаю, я не на всех праздниках... тут была Ханука, там, меня не было, еще какой-то, я не знаю даже, я не знаю. То я болела, то еще что-то такое. Дети выступают что-то там. Да. Всё.

АК: А во сколько начинается Пасха? В общине? Ну, праздник, сам?

ГМ: Как во сколько начинается?

АК: Ну, во сколько начинают праздновать?

ГМ: Если накануне – но накануне не празднуют, потому что с вечера начинают, значит, у нас на первый день Паски.

АК: А, на первый день.

НЕ: На первый день просто.

ГМ: У нас же нет – у них же нет своего помещения.

АК: Нету? А нам говорили, что они где-то в Потоцком сидят.

ГМ: Так они снимают там. Вот. Зимой там собачья холодина.

НЕ: Не топят, что ли?

ГМ: Так что вот они там сидят.

НЕ: Дак и... все мероприятия там проводят?

ГМ: Нет. Сейчас столовая вот здесь напротив нас. В Тульчинке. Раньше в Потоцком, но это дорого. Раньше было много народу, снимали большой зал... Сейчас всё меньше народу. Теперь наши говорят, что у нас были раньше врачи-евреи, у нас было у кого лечиться, у нас то – всё вы слышали ж.

НЕ: Это местные говорят?

ГМ: Да.

АК: Украинцы?

ГМ: Да. Вот – а теперь не у кого лечиться, не у кого.. потому что у нас сейчас пошла волна купленных дипломов. Ну да, ну что ж это...

АК: А вот эти посылки всем дают? Ну, евреям, в Тульчине – или тоже как-то выборочно?

ГМ: Не, это пожилым.

АК: А, то есть, с какого-то возраста начиная?

ГМ: Я не знаю. Но пожилым, там... этим самым. Раньше давали... если два человека с семьи, значит, две посылки. А теперь дают одну посылку. А некоторым, а молодым некоторым сняли

посылки. Да это... с Польши идет. Вообще у нас посылки всё истощаются и истощаются.

АК: А вот что было раньше, и что сейчас дают?

ГМ: Раньше были намного богаче посылки, да.

АК: Ну, вот что там было например, просто интересно...?

ГМ: Ну, что – крупы были там это самое... по.. больше было... и мука была, и... и... это самое... Сейчас тоже есть по кило.. бутылка...это... бутылка подсолнечного масла, килограмм сахара, ну, там, какие-нибудь 2-3 вида крупы, но вс... мед был, в баночках, ну что... сладкое всякое там было, на праздники особенно. Вот. А сейчас намного беднее посылки.

АК: А вот почему это – где-то разворовывается или...?

ГМ: Нет, это меньше денег дают.

АК: Меньше денег дают, да?

ГМ: Так что.. У меня всего хватает, потому что я одна, мне ничего не надо.

АК: А от размера пенсии как-то зависит, вот, человек получает или нет?

ГМ: Посылка ж в Виннице рас.. раскладывается.

АК: А, то есть они там не знают, да, кто сколько получает?

ГМ: Они знают! Конечно! Мы же им даем справки, сколько пенсия.

АК: То есть, это не зависит, даже если там...

ГМ: Ну всем одинаковые пен... Может быть, там еще какие-нибудь есть дополнительные посылки.

АК: А где вот Софья Иосифовна училась, вот, читать по молитвеннику?

ГМ: Она прошла специальный курс.

АК: Она была на курсах специальных?

ГМ: Да.

АК: А где?

ГМ: По-моему, в Москве.

АК: Ух ты.

ГМ: Да.

АК: И долго она там училась?

ГМ: Чего не знаю – не могу сказать.

АК: А вот мне не совсем понятно – вот если она и более интеллигентная, и более образованная, да...?

ГМ: Да.

АК: ...почему же тогда там всем руководит... другая?

ГМ: Рита?

АК: Да.

ГМ: Я понимаю так – я не знаю подробностей. Я понимаю так – когда Бартик уезжал, она просунулась, внесла свою кандидатуру, здесь никто никого не спрашивал, например, если у нас... я была вот

при Бартике... как... так он устраивал какой-то там... собрание, рассказывал, что они делают, а здесь нет за всё время ничего.

АК: Отчетно-выборного... отчетного собрания не было?

ГМ: Отчетных собраний нет – мы ничего не знаем.

АК: Да?

ГМ: Да. А ей не перед кем отчитываться – я... такой контингент, что не с кем разговаривать.

АК: Не, ну даже если 10-15 человек ходит, то все равно есть перед кем отчитываться.

ГМ: Нет, почему 10-15? Есть больше народу!

АК: Тем более – (?)

ГМ: Не все же могут ходить – учтите, девочки, возраст уже этих людей. А молодежи не так много.

АК: Так а вот молодежи – Вы говорите, у Софьи Иосифовны сын, да?

ГМ: Ну так он же ж не здесь, он...

АК: А у самой этой вот Риты Генеховны?

ГМ: У Риты 2 сына. Один в Москве, он, говорят, очень болен, а один здесь.

АК: А она не привлекает, вот, того, который здесь, как бы к общинной...?

ГМ: Он... совсем в другую... религию...

АК: Как?

(долгая пауза)

НЕ: Разве так может быть?

АК: Он с этими, с пейсами которые, что ли?

ГМ: Нет.

(снова длинная пауза)

АК: А кто?

ГМ: (быстро) По-моему, в христианской, я даже не знаю.

АК: В христианской?!?

ГМ: (очень тихо) Да.

АК: Сын?!? Как это?

НЕ: Ну, может, это сплетни просто.

АК: Да. Может, это действительно сплетни...

НЕ: Как-то это не бывает...

ГМ: Мне сказала... женщина... кто мне сказал? Что он где-то... нет, в христианской.

АК: Ничего себе.

ГМ: В христианской.

АК: Так он что, выкрестился, что ли? Господи!

ГМ: Даже где-то там.. товарищ какой-то... руководит... в кадрах... так куда-то там... не знаю.

АК: Здесь в Тульчине?

ГМ: (очень тихо) Да, он здесь в Тульчине. (пауза) У него жена очень набожная.

АК: А в общине... знают об этом или...?

ГМ: В Тульчине если чИхните в одном конце, вы еще только захотите чихнуть, вам уже скажут: «будь здоров».

НЕ: Ну, это, как-то, да...

АК: Странновато как-то получается...

НЕ: Это вот... экстравагантный... нетривиальный...

ГМ: Девочки, я не вмешиваюсь, и вы меня извините, что я проговорила, я думаю, что вы не будете ничего говорить...

АК, НЕ: Нет-нет, мы никому... мы просто удивлены очень.

ГМ: Нечему удивляться, я уже перестала вообще удивляться.

НЕ: Ну у вас такая бурная жизнь, а Вы говорите, «тут маленький город».

ГМ: У нас здесь каждый, каждый знает, что у вас в тарелке варится. Вы еще даже не знаете, вы не представляете, как здесь жить хорошо.

НЕ: То есть... это такие любопытные просто, или...

ГМ: Да! Любопытные. Я начала ходить – я еще ходила... нет, мне как раз сняли гипс, на второй день я пошла получать пенсию. Это было... мне гипс сняли... ну да, через два дня после снятия. И я пошла получать пенсию – вот выхожу, идет какая-то женщина. Ну, молодая, не знаю, кто она такая, я даже ее не знаю. Ну, она меня, там, наверное, знает. «Здрассте, с приездом!» А мне плохо, девоньки!!! (о том, как ей было больно в то время после снятого гипса) И она мне: «Когда Вы приехали?» Я говорю: «Слушайте, что Вы от меня хотите – откуда я приехала?» – «Не, я Вас не бачила, я Вам...» Она меня не видела, и она меня это самое. Я говорю: «Отстаньте Вы от меня, я Вас прошу». Вот так – я уже откуда-то приехала. Откуда – я не знаю.

НЕ: Ну, может, она просто решила, что Вы уезжали куда-то, раз Вы не выходили.

ГМ: Ну так хорошо, я могу ходить и всем показываться? Она, может быть, живет в той части города, я там не бываю, я живу здесь, так?

НЕ: Ну, да.

АК: Скажите, вот Вы человек образованный, интеллигентный, да?

ГМ: Да.

АК: А вот как Вам кажется, что здесь надо сделать, чтобы, вот, общинные дела как-то поправить, вот, чтобы они были более такие...?

ГМ: Нужно одного нормального человека поставить.

НЕ: Ну, а вот если бы Вам предложили...?

ГМ: Нееет, не-не.

НЕ: Ну, а вот если бы так случилось, что...
ГМ: Ни за что!
НЕ: А почему?
ГМ: Я старая! Девочки, мне очень много лет.
АК: Ну, Вы такая бодрая..
НЕ: Вы такая бодрая, что Вы...!
ГМ: Это ничего не значит, я больной человек, старая. То, что я умею играть – это точно. Я ж Вам говорю, какую я прошла школу.
АК: А вот если бы тогда, когда Бартик уезжал, были ли нормальные, там, выборы, и Вас бы предложили – Вы бы пошли?
ГМ: Девочки, ни за что!
АК: И тогда бы не пошли?
ГМ: Ни за что – я вообще не знала, что это здесь такое есть!
АК: А, вообще не знали...
ГМ: Ничего не знала – я работала, и всё!
НЕ: Ну, а вот среди тех евреев, которые здесь остались, есть такие люди, которые...
ГМ: Нет!
НЕ: ...могли бы...
ГМ: Нет, если было бы, я бы ее давно турнула туда.
АК: А вот эта вот... которая пишет-то, как она?
ГМ: Ой!
АК: Она не могла бы?
ГМ: Нет, ну что Вы!
АК: А сколько ей лет? Она тоже пожилая, да?
ГМ: Ей... ей должно быть 60.
АК: А, то есть, она не очень...
ГМ: 60... нет! Сейчас-сейчас-сейчас... Она должна быть 44-го года. 62 года.
АК: И она не могла бы быть?
ГМ: Нееее! Она, понимаете, у нее 7 пятниц.. не-не-не-не-не – боже упаси! Неее!
АК: Может быть – у нее сыновья раввины, может быть они как-то помогли...
ГМ: Не, дак а что сыновья? Один в Америке сын, а один где-то в России...
АК: Так может они бы помогали...?
ГМ: Чем бы ей помогали?
АК: Советом, там...
ГМ: Каким?!? У нее... у нее вот это самое... вот она получила эти... чтоб она понимала, что, наверное, мне надо что-то... дать, эти копии, что... Так она на меня какую-то сплетню начала наводить.
АК: На Вас?
ГМ: Да!!! Мне же самой рассказывать черти шо обо мне!
АК: Вам – о Вас же самой?

ГМ: Да!

АК: Господи!

ГМ: Что я сказала, что за нее пишут стихи... и эти самые. А я выходила когда с этого.. с Пасхи этой, я выходила из столовой, там бабы начали, что за нее пишут, я говорю: «Как вам не стыдно?!». Я говорю: «Так она талантливая». И вышла ей сказала. «Вы что ?, что делать нашим нечего?!» Я же знаю, что тут же передадут в обратную сторону. Всё было хорошо, всё, когда вот это... за эти грамоты... она мне заявила, что я сказала, что нее пишет, там, какая-то женщина, украинка. Я говорю: «Поль, что Вы говорите?» Нет, это надо попасть под настроение, не-не-не. Ее нельзя, она вообще не умеет органи... она и за себя не умеет организовать. Нет, надо...

АК: А мужчин нету – которые могли бы?

НЕ: Вон тут, молодые у вас вроде, вот, есть.

ГМ: Кто?

НЕ: ...так говорили...

ГМ: Есть – ну и что, если они есть. Есть, ну что из этого, что они есть?

НЕ: Так они не могли бы?

ГМ: Так а кто пойдет на это? Нет, я даже не знаю, кто у нас есть молодые.

АК: А это должность, вот, вообще какая она? Почетная...?

ГМ: Конечно, почетная!

АК: А... ну, вот, я не знаю, там... ну, много ли нужно, там, тратить времени, усилий...

ГМ: Ничего не знаю. На этот вопрос... все, что касается общины, я ничего не знаю.

НЕ: Все-таки, руководить людьми, это распределять... это же...

ГМ: Руководить надо уметь! Руководить надо уметь! Там, где нормальный руководитель общины, вот, в этом самом... как называется... в Могилев-Подольском, так, там, видимо, нормальный руководитель общины – у них и концерты, и это самое... у нас, вы знаете, девочки, у нас на еврейском кладбище найдены могилы очень важных еврейских ученых.

НЕ: Да что Вы!

АК: Да?

ГМ: Да. Здесь есть одноклассник моего сына, он сам украинец, он очень толковый, он кандидат наук, очень умный, он специально выучил иврит и пошел на старую часть так... он умница!

АК: А как его зовут?

ГМ: Светелик, Виктор.

АК: А мы слышали о таком!

НЕ: Да!

АК: Нам кто-то говорил.

ГМ: Да. Вот Витенька, он разобрался в этих старых памятниках, на стар.. там кладбище у нас, внизу старое, а сверху – новое. Она за новым следит. А старое – там... все, что хотите. Он приходит ко мне и говорит мне.. Я не знаю, правда, какую должность я в Тульчине занимаю... Он пришел ко мне и говорит, что... знаете, что, вот такое дело, и что делать? Я снимаю трубку, звоню в Винницу, и говорю: «Люди добрые, кто занимается кладбищами?» Они мне дали телефон хасидов этих, что.. бе... в этом... как... видите, что делается мне с памятью сейчас... Ну, София где у нас... парк...? София... Где хасиды наши сейчас живут – вы не знаете? На Украине.

АК: Много мест есть вообще-то...

ГМ: В Умане!

АК: В Умане.

ГМ: Да. В Умане. Я позвонила в Умань, он мне говорит: «А кто ты, шо ты?» И он мне дал свою... значит, он сказал, вот он... карточка...

АК: А он – это кто?

ГМ: Израиль Меир Габай. (показывает карточку) Он руководит вот этой... Он руководит этими кладбищами. Я ему сказала... вот, в Брацлаве есть могила одного хасида, причем он сам из Тульчина.. вот... это я теперь уже знаю.

АК: В Израиле есть могила?

ГМ: Не в Израиле, в Брацлаве. Так там кладбище сделали, там подходы сделали, так всё. Значит, я звоню в Вин... звоню этому Габаю, он приезжает. Этот Витя хо... оказывается что? Виктор ходит за этой... Ритой, ну... одно это... степень ее культурности. Ходит за Ритой и просит ее, что давайте мы там уберем. Давайте мы привлечем что-то такое и сделаем. Потому что нам... Этот приехал, оказывается, он у нас не раз был на кладбище – она ему ничего никто не показывала. Ну, это пролезть надо уметь.

АК: А, там заросшее все?

ГМ: Всё заросло! Ей Витя говорит, что вот, Вы знаете, будет... приедет вот... какой-то товарищ, туда – мы еще с ними... мы не были знакомы, не знала, как его звать даже. (вздыхает) Она взяла плюнула, повернулась и ушла!

АК: Ого!

ГМ: Да. Начальство!

НЕ: Если (?) неинтересно, это – почему?

ГМ: Ей сейчас интересно.

АК: (тихо) Ихес-тухес?

ГМ: А?

АК: Ихес-тухес, да?

ГМ: Во-во, это то, что... точно-точно. Ну, и, значит, осталась я одна. Виктора забрали на перевод, он знает много языков

иностранных, знает поч.. все славянские эти языки, он знает английский, он знает, ну, там... много-много. Чё-то надо было переводить, так вот его забрали, я осталась одна. Поехали мы с этим Габаем на кладбище, они его стали приветствовать, там, эти смотрители, и всё – они его, оказывается, знают – значит, если он был здесь несколько раз – ты не знаешь, так спроси хоть знающих, шо там такое? Не может же быть, шоб никого. В общем, мы возвращаемся в город, он мне вынимает 200 долларов, говорит – у меня больше с собой нет. Ты начни уборку, а я, значит, ему расхваливаю, вот, смотритель, а то смотритель – я боюсь Риты, я говорю – чего ее бояться?

АК: Смотритель боится Риты?

ГМ: Да, он ее так боится, как меня. Ну, это не потому (? неразб.). Да. Да. Я ему говорю: А ничего не делают. Габай мне звонит через день, а тут ничего не делают. Я звоню опять этому Ивану, говорю, что Ваня, ну Вы же слышали, начните! Такая очень большая сухая была. Можно было всё сделать. Начните – он же ж Вам будет платить!... Он позвонил Рите, и что я имела вы могли послушать?! Всё. Она... понимаете, что – у меня есть еще одна вещь. Я не просто не реагирую на дурь, я – врач, на больных не обижаюсь.

АК: Так а что было-то, что она...?

ГМ: А она мне что хотела говорила.

АК: В чем Вы провинились?

ГМ: А она мне, мол, как я смела, и кто я такая, и... и... в общем, и... она мне угрожала, и... да...

АК: Так за что? Она ж сама не захотела с ним встречаться!

ГМ: Ну, опять она мне задает вопрос, на который я не могу ответить – ну вот сама послушай! Я могу на такой вопрос ответить? Вот. Ну, всё. Приезжает этот Габай ко мне сюда, я не зна... он голодный, я не знаю, чем его кормить. Я не знаю, может быть, он... какая же я кошерная? Понимаю... Ну, он голодный, оказал.. он всё ест подряд, я его.. мы его покормили, чаем напоили...

АК: А он с бородой, да?

ГМ: Да, он с бородой, в такой шапочке интересной – такой смешной дядька. Молодой.

АК: Молодой, да?

ГМ: Дааа! Молодой. (...) В общем, он приехал сюда ко мне, Виктор сидит, пошли они к ней домой, он ей дал большую сумму денег – Витенька видел, но я уже забыла. Они долго спорили на иври... на идише, долго очень ругались с ней, потом он ей дал большую де.. сумму денег, и она уже решила ко мне подлизаться. Ну, вот я... просто...

НЕ: А она поняла, что была не права, или что-то ей надо как-то...?

ГМ: Она понимала, что меня нельзя трогать. Она понимала это. Что... мы же с ней не ровня. Не потому, что я – врач, а она – медсестра.

НЕ: Я поняла.

ГМ: Поняла? Мы совершенно разного воспитания. Вот. Ну, и она это самое... расчистили, уже говорят, а меня не было на этом кладбище, расчистили, говорят, всё, не знаю, приезжал он или не приезжал – Габай, я его больше не видела.

НЕ: Понятно.

ГМ: Но мне сказали, что расчистили. И там есть такие памятники, памятники... 17 века, 16, там, или к... восемнадцатого века – такие памятники. Вот. Крупных еврейских ученых.

НЕ: То есть их там много, да?

ГМ: Да. Пять или сколько, мне сказал Витя.

НЕ: Здорово!

ГМ: Да.

НЕ: То есть, про это раньше не знали – да?

ГМ: Ничего! Но.. если человек тебе помогает, то ты должна быть благодарна, а не искать себе... Мне это не надо – скажут всё равно, что она сделала, а не я – я ж ничего не делала. Я дала Габаю эти 200 долларов, а он пошел к ней и это самое. Мне... мне это не нужно, мне эта слава... (...)

НЕ: А я еще знаю, что здесь есть какая-то третья, вот, женщина, вместе с Ритой Генеховной и...

ГМ: Угу, угу. Не знаю, что она там...

НЕ: Лиля...

ГМ: Лиля, Лилия.

НЕ: И... и...

ГМ: Не знаю, как отчество, я не знаю, как отчество, я ни одного отчества..

НЕ: А вот она чем занимается?

ГМ: Угу. Это славная женщина очень.

НЕ: Ну да... я этим... не разговаривала так с ней...

ГМ: Они славные обе, и ж... и эта, и эта... У меня был юбилей, да... вот, и... по системе «никого не приглашаю, кто хочет – приходите»... Ну шо, она тоже, она не может же выступить против нее. Она не организатор – если бы она была бы организатор, я бы ее засунула б туда. Потому что для меня нету никаких начальников.

АК: А Вы чувствуете, что Вы можете контролировать как-то эту ситуацию?

ГМ: Не хочу.

АК: Не, но можете? Там, засунуть кого-то это ж тоже касается...

ГМ: Ну, видишь ли, это надо напрячься для этого. Это надо поднять всех, да? Так же я сама ничего не могу сделать. Но как я

говорю председателю райисполкома, кто главный в районе?
Конечно, я! Это, конечно, в порядке шутки.

АК: А все довольны... все довольны, вот, те, кто ходит, вот [в общину]?

ГМ: Откуда я знаю?

АК: А, ну да, Вы не знаете. Может, слышали что-то.

ГМ: Нет! Ничего – где я их слышу? Я их никого не вижу, ничего не слышу. А тем более, что я 10 лет сидела в военкомате и во все архивах, с этими книгами, у меня же вышло сколько книг сейчас. Сейчас опять готовится...

АК: А может, вам толкового украинца найти для председателя общины?

ГМ: (слегка усмехается) Это я не знаю.

АК: А вдруг найдется такой – организатор, толковый человек...

ГМ: Не знаю... я откуда знаю...

АК: А можно было бы украинца туда

ГМ: Откуда я знаю?

АК: А как по-Вашему?

ГМ: Ну, понимаешь что, я ж не в курсе дела. Что.. я не представляю вообще, что они должны делать. Ну, вот я слыхала вот там, что там устраиваются всякие вечера... пот... тематические, вот, в Виннице, например, они там тематические вечера, там к ним приезжают артисты, там у них еще чего-то там, и... ну, так это же совсем другое. Теперь в это... в Могилев-Подольске тоже там что-то устраивается. Причем Могилев-Подольский эти, что выехали, и.. выехали, они очень много денег вкладывают в развитие Могилев-Подольска. Вот. А ей не... Ри... я не знаю даже, дают ей деньги, я не в курсе дела. Ну что, можно было давно купить отдельную квартиру, и иметь специально для офиса, а снимать эту собачью холодину.

АК: А Вы думаете, там достаточно денег, чтобы вот так вот купить квартиру?

ГМ: Но раньше квартиры не стоили так дорого!

АК: А! Еще когда они не подорожали, да?

ГМ: Да. Да. Можно ж было купить тогда квартиру, и что-то... но вот как вот с этим... ее надо толкнуть, чтобы она поняла. Но она не понимала, что он за ней ходит и требует с нее... ты должна быть ему благодарна, потому что он открыл вот это вот в Брацлаве, че-то там еще он ездил по кладбищам, тоже открыл... это самое. Он очень, такой, толковый, известный... Но он очень скромный человек, да и вообще у него жизнь такая...

АК: Так а что там открыли, вот Вы говорите, что...?

ГМ: Могилы! Выдающихся еврейских ученых.

АК: Да?! А кого?

ГМ: Вот... как это... Рампан... да, и с его рода здесь было... и еще с какого-то – это я не помню сейчас. У меня после этого вот падения, у меня было небольшое сотрясение, я немножко... чувствую, что выпадения бывают у меня, поэтому я... немножко отойду, отработаюсь. Я еще не совсем отошла, учтите.

АК: То есть, это, вот, какие-то выдающиеся люди были?

ГМ: Да, это люди, которые были раввинами, учеными, вот. И есть эти могилы. Так что скоро будет там, наверное, что-то такое, какое-то... мемориал, или что.

АК: Такой же, как в Брацлаве типа, да?

ГМ: Я не знаю, что там будет, я там... я туда не ходок, у меня там никого нет, я туда не хожу. У меня муж на центральном... кладбище похоронен.

АК: А что это за центральное кладбище?

ГМ: Напротив больницы. Знаете, где больница?

АК: Да. Так а там разве есть еврейское кладбище?

ГМ: (тише) Нет, еврейское кладбище совсем в другом месте.

АК: А он на каком?

ГМ: Он на русском кладбище.

АК: На русском, да? А почему он на русском?

ГМ: Его школа хоронила, это не я...

АК: А, понятно.

ГМ: Вообще я даже не знала, где могилу копают...

АК: А вот Вы говорите, там, вот, великие учителя, там какие-то там...

ГМ: Да.

АК: А вот если... а может, у них есть тут прямые потомки? Вот у этих учителей?

ГМ: Откуда я знаю?

АК: Ага...

ГМ: То есть, надо искать.

АК: В Тульчине, да? Но в принципе может быть...?

ГМ: Можно, конечно.

АК: А вот если человек происходит из такой семьи, там, где великие.. вот, какой-нибудь учитель был – это, вот, с ихесом связано как-то, да?

ГМ: Да, да. У евреев это считался а гройсе ихес.

АК: А гройсе ихес, да?

ГМ: Да.

АК: И это передавалось, да, вот как бы, в поколениях?

ГМ: Да, в основном да. Так же, как и ремесло передавалось... Там меламед, например, учил своих детей, тоже чтоб они были меламедами. Или он учил еще.. всяким... он был ремесленник, он был, там, столяр, или что-нибудь – он его учил столярному делу, он учил слесарному делу, швей... портного, там...

АК: А рув передавал руву дальше, да?

ГМ: Если он хотел, конечно, он передавал. Но старались, чтобы клан сохранялся.

АК: Ага. А вот, допустим, когда свадьбы игрались, вот мог, например, сын раввина, и дочь, ну, я не знаю, сапожника...

ГМ: Откуда я знаю?

АК: Нет, ну вот как Вам кажется?

ГМ: Ну, я не знаю, я не знаю – это надо почитать старых еврейских писателей. Потому что я не знаю этого. Я же ж советская!

АК: А вот в Ваше, советское время, мог, например, ну, я не знаю, сын зубного врача и дочка какой... какого-нибудь...

ГМ: На кем... на ком угодно женились.

АК: На ком угодно? Вообще не смотрели на семью, это неважно было?

ГМ: Ничего не важно. И очень много ассимиляции.

АК: А на что смотрели, когда женились?

ГМ: Ну, кто кого любил.

АК: Только на это, да?

ГМ: Да, да.

АК: Ага, а если у нее, там..

ГМ: Я не знаю как вот в этих вот местечках – я же вам говорю, в городе-то на это никто не смотрел.

АК: На, я про город, про город спрашиваю.

ГМ: А город на это ж никто не смотрел. До войны я вообще не знаю, я... как там выходили замуж, школьники все были одинаковы, независимо от национальных принадлежностей. Вот. А после войны уже нам было не... это самое... мы выходили замуж или женились ребята, но тоже как... как кого любил кто.

АК: На семьи не смотрели?

ГМ: Не-не-не. Не.

АК: А вот среди Ваших знакомых, может быть, одноклассников, Вы не помните – были такие люди, вот у которых в семьях были вот какие-то вот.. великие учителя какие-то..? Просто выдающиеся люди?

ГМ: Среди моих одноклассников я не помню, чтоб было. Я довоенная ученица. Войну я кончала в Средней Азии – учиться.

АК: Ну, а потом, среди коллег, может быть? Еврейских, я имею в виду.

ГМ: Нет, тогда мы этим не интересовались.

АК: Почему?

ГМ: Во-первых, тогда еврейством интересоваться нельзя было. Учтите. При нашем «папе» мы не очень... это самое..

АК: Сталине?

ГМ: А? При Сталине, да. Ну, вот я же вам говорю, что как у меня сын. Он уже не при Сталине кончал, он уже не при Сталине кончал, он кончал уже... при ком он кончал – я уже забыла...

АК: При Брежнев, наверное?

ГМ: Наверное. Вот. Так он... тогда тоже. А при Брежнев было немножко лучше, но не так. Не намного лучше.

АК: То есть, вот, боялись, да, как-то интересоваться и не было...

ГМ: У меня не было... времени интересоваться, и не было повода интересоваться, и мне это не нужно было. У нас была... у нас была компания учителей, и вояки здесь были – здесь было три воинских части. Всё! И там были кто хотите, никто... никто не выделял никого, ничего.

АК: То есть, все были более-менее равны?

ГМ: Да! Да! Мой муж очень многим помог кончить институты, и всё, и очень многим давал дорогу в жизнь, и очень многим своим вундеркиндам, как я говорю, помог сохранить семьи – так они ж ко мне ездят!

АК: А вот Ваш муж не чувствовал такую же дистанцию, как Вы чувствовали?

ГМ: А мы об этом дома не говорили.

АК: Почему?

ГМ: Никогда об этом не говорили.

АК: Почему?

ГМ: Ну, не было повода. Не было повода. Только когда вот был такой случай у нас был завотделом культуры при обкоме партии, такой Лютварт, бандюга, и мы не знали, что мужа представили к ордену. А он сказал, что жидам он давать не будет – он меня хорошо знал, потому что мы в один год кончали, я – мед, а он – пед. Вот. Так ему передали, только тогда он узнал, что его представляли к этому... А после этого он заходил в районо, когда он узнал, что, значит, там вот это самое, он проверял, чтобы его не вписывали. Но больше – и то не он мне рассказал!

АК: А может быть, у кого-то в семьях хранились какие-то старые документы, там...

ГМ: Может быть...

АК: ...от дедов, там, от прадедов...

ГМ: Откуда? Тот, кто здесь оставался, тот, кто здесь оставался, они были в лагере, или их расстреляли, никаких, значит, документов нет. А те, что выехали, кто что с собой успел забрать.

АК: Ну, вот, может быть, вещи какие-то старинные брали? Семейные ценности?

ГМ: Кто?!?

АК: Реликвии... Не обязательно ценные в денежном отношении...

ГМ: Я понимаю. Но кто выезжал, кто выезжал, и брал с собой что?

АК: Ну, я, вот, просто у Вас спрашиваю...

ГМ: Ну, Вы представляете, даже если... ну что? Если успевали взять себе хоть немножко одежды. Вот. Причем были уверены, что только до зимы.. кончится война. Так что каждый... а по дороге бомбили, как хотели.

АК: Ну, понятно.

ГМ: Так что очень трудно представить себе, что кто-то здесь что-то сохранил. Если кто-то из соседей...

АК: Да, вот украинским соседям...

ГМ: Да. Если кто-то из соседей чего-то мог сохранить, может быть, тогда и что-то было. Но так... трудно представить себе, чтоб где-то...

АК: Но вот Вы не слышали, чтобы об этом кто-то говорил? Вот, на Вашей памяти?

ГМ: Нет. Я ж говорю, что я не общалась. А вот среди учителей – среди учителей об этом никто не говорил. Ведь... девочки, вы не знаете этого, дай бог, чтоб никто не знал никогда. Кто мы... в исполнении наших окружающих. Ведь когда я писала свою книгу, вот эту, о тех, кто вернулся с войны, приходили люди и говорили, приносили документы. «Я поляк, не пишите меня украинцем». Значит, ляхи были тоже запрещенной нацией, но не в такой степени, как евреи. Так что не думайте, что.. что очень было хорошо. Но евреи особенно. Но сейчас я... я занимаюсь разгадыванием кроссвордов все время, а сейчас я должна восстанавливать память. У меня ж было... я не могла.. это самое. Э... «нация книги», по-мусульмански, евреи...

АК: Это мусульмане так говорят, да?

ГМ: Да! Мусульмане – это «нация книги»! Их же Иса – этот Иисус!

АК: Угу. А по-еврейски так не говорят, что евреи – это нация...?

ГМ: Иешуа.

АК: Нет, вот выражения такого, «евреи – нация книги», по-еврейски есть?

ГМ: Есть такое.

АК: Как это будет по-еврейски?

ГМ: Я не знаю. Не знаю. Вообще интересно. Очень интересно (вздыхает).

[конец записи]